

За творческое развитие Павловского наследства!

Сегодня в Москве открывается совместная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР. Эта сессия, посвященная обсуждению проблем физиологического учения академика И. П. Павлова, — важное событие в научной жизни страны.

Имя и труды Ивана Петровича Павлова — замечательного сына русского народа, величайшего естествоиспытателя нашей эпохи — близки и понятны каждому советскому человеку, для которого наука — родное, жизненно важное дело. Об этом сам великий ученый говорил: «Раньше наука была оторвана от жизни, была отчуждена от населения, а теперь я вижу новую науку уважает и ценит весь народ».

Наш народ уважает и ценит материалистическое учение Павлова потому, что оно раскрывает действительную природу человеческого сознания и вооружает практическую медицину знаниями законов жизни организма. Труды И. П. Павлова, книги и брошюры о его научном творчестве, огромными тиражами разошедшиеся по советской стране, стали достоянием широких кругов населения. В судьбе Павловского наследства, в его дальнейшей творческой разработке заинтересована вся советская общественность.

Всю свою почти 65-летнюю кипучую и неустанную творческую деятельность И. П. Павлов посвятил физиологии. Воспитанный на передовых идеях классиков русской науки — Чернышевского, Герцена, Добролюбова, Белинского, — И. П. Павлов стал полновесным революционером в одной из самых неразработанных областей естествознания. Так же, как Сеченов, Менделеев, Тимирязев и другие великие русские ученые и мыслители XIX века, он обогащал и развивал замечательные традиционные черты отечественной науки — ее новаторство, демократизм, ясный материалистический взгляд на явления.

Дерзновенный гений Павлова охватил все основные разделы физиологии и в каждый из них внес огромный, неопенимый вклад. Таковы его исследования кровообращения и пищеварения, в которых впервые была установлена целостность сложного организма и его единства с внешней средой, а также важнейшая роль нервной системы в регулировании деятельности различных органов и их реакции на внешние воздействия. Эти открытия нанесли сокрушительный удар по механистическим и идеалистическим представлениям в физиологии и медицине.

Великим достижением Павлова, поднявшим человеческие знания на новую ступень, является созданная им физиология головного мозга. Это была огромная победа, проникновением человека в «священные тайны» тайников природы. Его учение о высшей нервной деятельности дало ключ для глубокого постижения процессов, совершающихся в головном мозге человека. А ведь именно духовная, умственная деятельность человека была и остается по сей день объектом для мистических спекуляций различного рода мракобесов от философии и естествознания.

На основе неопровержимых естественнонаучных фактов Павлов раскрыл материальную основу психической деятельности. Великий ученый-материалист наголову разбил взорные лженаучные «теории» о душе, «духовной вышней», о «божественном начале» в психике. Материалистически раскрывая действительный характер умственной деятельности человека, Павлов помогал науке идти вперед и побеждать в борьбе с отсталым, реакционным философией, психологией, педагогикой. Особо важное значение имеют Павловские исследования для медицины — они создали новую, подлинно научную теоретическую основу. Его школа, его система резко противопоставила идеалистическому, лженаучному верховианскому направлению в медицине.

Павлов придавал громадное значение принципиальному направлению в науке, тому, что он называл программными вопросами. На протяжении всей своей жизни он неизменно выступал, как воинствующий материалист, страстно борясь против всех проявлений идеализма, мистицизма, суеверий. Его непоколебимость в отстаивании материалистических идей, принципиальность в научной работе — яркий пример высокой принципиальности ученого.

Вклад Павлова в сокращившийся человеческих знаний огромен. Особенно плодотворной была его деятельность в советские годы. Если в дореволюционный период взгляды Павлова шли вразрез с официальной идеологией, то в советскую эпоху они нашли опору в самой передовой, новаторской идеологии победившего марксизма.

Крупнейший теоретик, мыслитель, Павлов никогда не допускал существования «науки для науки». Он считал, что наука должна помогать человеку в решении важнейших практических задач. Его теоретические исследования всегда сочетались с экспериментальной разработкой проблем медицины.

ПОТОЧНЫЙ ВЫПУСК КНИГ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В типографии «Печатный Двор» имени А. М. Горького полностью пущена в эксплуатацию новая, третья по счету, поточная линия брошюрово-переплетного цеха. Теперь ленты не двух, а уже трех транспортеров непрерывным потоком доставляют в экспедицию «Печатного Двора» переплетенные и упакованные книги.

В первый день на третьей поточной линии переплетались новые тиражи «Краткого курса истории ВКП(б)». В это же время на лентах первых двух транспортеров мы увидели очередную тему собрания сочинений Горького и арифметические задачки для четвертого класса. На новой линии поточным методом будут обрабатываться в среднем 14.000 книг за смену. Производственные операции, начиная с шитья и кончая транспортировкой готовой книги в экспедицию, займут восемь часов.

В числе агрегатов, которые установлены

лись с экспериментальной разработкой различных проблем медицины. Начав свои первые исследования в клинике знаменитого русского врача Боткина, он вновь вернулся в клинику, пройдя полувек пути физиологического исследования.

Павлов неоднократно указывал: «Только тот может сказать, что он изучил жизнь, кто сумеет вернуть нарушенный ход ее в норму... Только это и есть последняя проба полноты вашего физиологического знания и размеров вашей власти над предметом». По-новому определял он поэтому и основную задачу медицины: «Только познав все причины болезней, настоящая медицина превращается в медицину будущего...».

В центре внимания великого ученого всегда был человек. Именно для него, не щадя сил, проводил он в своих лабораториях огромную экспериментальную работу, исследуя важнейшие закономерности физиологических процессов, совершающихся в организме под влиянием разнообразных факторов внешней и внутренней среды. Он шел здесь непроторенными путями. Восстав против принятого зарубежной физиологией метода изучения жизненных функций организма, он создал новый оригинальный метод, который максимально приблизил исследователя к условиям нормального существования организма.

Дерзновенно разрушая установившиеся каноны науки, упорно добиваясь поставленной цели, Павлов был необыкновенно вынослив и осторожен в обобщениях. Он подвергал строжайшей проверке каждый добытый факт, был самым суровым критиком своих собственных выводов, положений и требовал от своих сотрудников и учеников того же.

Слабое преклонение перед авторитетами, канонизация установившихся представлений были чужды гениальному физиологу, как и другим великим новаторам науки. Они всегда своим примером призывали сопоставлять и смело пересматривать на основе новых, накопленных научных фактов ее установившиеся законы и положения. У советского ученого, настоящего последователя великого Павлова, никогда не должно угасать творческое горение, стремление раскрыть еще одну из многочисленных тайн природы, обогатить наследие своего учителя, отстаивать его от идейных противников.

На протяжении всей своей деятельности И. П. Павлов опирался на коллективный труд, «коллективное дуновение» своих сотрудников. Он, как никто иной, умел создавать такую обстановку в лаборатории, которая вдохновляла и будила энтузиазм научных работников в их искании подлинных законов жизни и управления ими на пользу человека. Именно поэтому ему удалось создать многочисленный творческий коллектив, и он вошел в историю не только как величайший новатор науки, но и как выдающийся ее организатор.

Советская наука находится сейчас на новом подъеме. Свободные творческие дискуссии, принципиальная критика и самокритика являются могучим средством ее дальнейшего прогресса. «Общепризнано», — указывает товарищ Сталин, — что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики». Происходящая на страницах «Правды» дискуссия по вопросам языкознания служит образцом и примером развернутого творческого обсуждения научных проблем.

Громадная историческая важность теоретической работы товарища Сталина «Относительно марксизма в языкознании» имеет принципиальное, основополагающее значение не только для этой области знаний, но и для развития науки в целом.

Великой гордостью за страну социализма, за положение науки в ней проникнуты блестящие выступления Павлова. «Вы слышали и видели», — обращался он к иностранным делегатам, — «какое исключительное благоприятное положение занимает в моем отечестве наука».

В другом выступлении, разоблачая империалистических поджигателей войны, великий ученый подчеркивал, что «...война по существу есть звериный способ решения жизненных трудностей, способ, не достойный человеческого ума с его неизмеримыми ресурсами. Сейчас видно против световое желание и стремление избежать войны... И я счастлив, что правительство моей могучей родины, борясь за мир, впервые в истории провозгласило: «ни пяди чужой земли». В активном участии в творческой, созидательной жизни народа, в борьбе за народное счастье видел Павлов высшие и благородные задачи науки.

Перед открывающейся сегодня сессией, посвященной наследству великого Павлова, стоят важные и ответственные задачи — обсудить перспективы и пути развития идей гениального русского физиолога. Нет сомнения, что, руководствуясь интересами народа, следуя мудрым указаниям партии о задачах передовой науки, советские ученые внесут новый вклад в дело творческого развития материалистической физиологии.

ВСТРЕЧА

Через открытое окно врывается теплый летний ветер. Он колыхал занавески, шелестел бумагами на столе. — Вот я снова в родных местах, — сказал профессор Штокало. — Хорошо здесь... Скрипнула дверь. В комнату вошел колхозник Иван Бич — низкого роста, худой, с бледным лицом человека, страдающего тяжелым недугом. Подползая, сел в угол.

Беседа продолжалась. Иосиф Захаревич Штокало рассказывал колхознику о своей научной работе, о деятельности львовских учреждений Академии наук УССР. — Смотрите, я на вас, — неожиданно вмешался в разговор Иван Бич, — и думаю:

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
№ 52 (2643) Среда, 28 июня 1950 г. Цена 40 коп.

О ЗАН ХВАН ФАКЕЛ ОСВОБОЖДЕНИЯ

В самых ранних исторических хрониках Китая и Кореи встречается упоминание о сигнальных факелах — огненных глотах борьбы за свободу и независимость, зажигаемых патриотами на горных вершинах. С 1946 года эти огни с новой силой запылали на горах и сопках Южной Кореи, призывая народ на борьбу с новыми поработителями.

Поэма «Факел освобождения» (отрывок из которой мы помещаем) посвящена национально-освободительной борьбе в Южной Корее. Автор поэмы, известный поэт О Зан Хван, закончил работу над ней в мае 1949 года.

1945 год — год освобождения Кореи от японского ига — застал О Зан Хвана в Сеуле. Японский террор вскоре сменился американско-лисымановским. О Зан Хван, не смотря на тяжелую болезнь, уходит в подполье. Его стихи против оккупантов и их клевретов снова, как и в годы японского владычества, ходят в рукописях. Фашистские дружины, сформированные по приказу американского генерала Уолтона, включают поэта в список лиц, подлежащих уничтожению без суда и следствия.

Работа в подполье обострила болезнь поэта-борца. В ноябре 1947 г. его товарищи по подполью помогли ему перебраться в Северную Корею. Там исполнилась его заветная мечта — свободно дышать и творить для своего народа, во имя его объединения в едином Корейском демократическом государстве.

В самых ранних исторических хрониках Китая и Кореи встречается упоминание о сигнальных факелах — огненных глотах борьбы за свободу и независимость, зажигаемых патриотами на горных вершинах. С 1946 года эти огни с новой силой запылали на горах и сопках Южной Кореи, призывая народ на борьбу с новыми поработителями.

Поэма «Факел освобождения» (отрывок из которой мы помещаем) посвящена национально-освободительной борьбе в Южной Корее. Автор поэмы, известный поэт О Зан Хван, закончил работу над ней в мае 1949 года.

1945 год — год освобождения Кореи от японского ига — застал О Зан Хвана в Сеуле. Японский террор вскоре сменился американско-лисымановским. О Зан Хван, не смотря на тяжелую болезнь, уходит в подполье. Его стихи против оккупантов и их клевретов снова, как и в годы японского владычества, ходят в рукописях. Фашистские дружины, сформированные по приказу американского генерала Уолтона, включают поэта в список лиц, подлежащих уничтожению без суда и следствия.

Работа в подполье обострила болезнь поэта-борца. В ноябре 1947 г. его товарищи по подполью помогли ему перебраться в Северную Корею. Там исполнилась его заветная мечта — свободно дышать и творить для своего народа, во имя его объединения в едином Корейском демократическом государстве.

В самом начале своей работы пятый съезд польских писателей. К 10 часам утра в просторном, светлом зале заседаний Государственного Совета собрались участники съезда — писатели Варшавы, Кракова, Вроцлава и других городов Польши. В зале много гостей — представителей интеллигенции, работников смежных искусств. На первых скамьях места съезда — делегаты зарубежных литератур.

Председатель Союза польских писателей Леон Кручковский, открывая съезд, сказал в своем вступительном слове о больших творческих и организационных задачах, которые предстоит разрешить съезду. Встреченный оживленно председателем Совета Министров Польши Юзеф Циранкевич передал съезду приветствие президента республики, правительства и сказал, что народ, созидающий социализм, ждет от литературы больших произведений.

Один за другим поднимались на трибуну зарубежные гости — представители Союза советских писателей СССР, писатели Чехословакии, Венгрии, демократической Германии, США, Бразилии. Они передавали участникам съезда приветствия от литературы, которые их послали на съезд.

Сегодня вечером после приема у президента республики Болеслава Берута, после большого интернационального вечера поэзии, который должен быть в одном из самых больших залов Варшавы, съезд закончит свои работы и выберет новое руководство союза.

Еще очень свежи непосредственные впечатления от работы съезда, от дискуссии. Еще не совсем сложилось представление об общем направлении прений, которые нам удалось прослушать, но одно можно сказать твердо: этот съезд будет немаловажной вехой в развитии Союза писателей Польши. Те большие проблемы, которые стоят перед польскими писателями в свете огромных, решаемых польским народом, задач осуществления пятилетнего плана строительства социализма, требуют от всех литераторов повышения ответственности перед народом за свою работу, всемерного развертывания критики и самокритики. Необходимо смелее выдвигать новые темы в литературе, следует вплотную подойти к разрешению задачи изображения в произведениях современной литературы основной фигуры сегодняшней Польши — польского рабочего, строящего новую социалистическую промышленность, и польского крестьянина, делающего первые шаги в сторону новых методов работы в сельском хозяйстве.

Этими проблемами было озабочено большинство участников съезда, и не удивительно, что во множестве выступлений звучали голоса, призывающие к более тщательному, глубокому и серьезному изучению опыта советских писателей, призывающие к установлению более тесной, постоянной и плодотворной творческой связи между Союзом советских писателей и Союзом писателей Польши.

Доклады Адама Важики о состоянии и задачах польской литературы и литературоведения, профессора С. Жулкевского было положено начало обсуждению основных творческих проблем, волнующих польских писателей. Три заседания шли прения по этим вопросам. Сначала сдержанные, они, чем дальше, тем больше, принимали характер оживленной дискуссии. Участник дискуссии, представители всех поколений польской литературы, говорили о тех задачах, которые ставят перед литературой действительность строящегося социализма.

Громко прозвучал на съезде голос молодых польских писателей. Они говорили о росте писательской молодежи, о том, что она требует внимания и помощи со стороны старшего поколения литераторов. Они не соглашались с тем, что среди польских писателей происходит борьба поколений, и утверждали, что борьбы поколений нет, а есть естественная борьба разных классовых тенденций в литературе.

Дискуссия, начатая по докладу А. Важики и С. Жулкевского, с новой силой продолжалась после доклада председателя союза Леона Кручковского, посвященного идеологической платформе и организационным основам деятельности польских писателей. Эта дискуссия не закончилась и сейчас, а уже я передаю вам свои заметки о работе съезда.

По возвращении в Союз, когда уже будут закончены работы съезда, я постараюсь более подробно рассказать читателям «Литературной газеты» о характере дискуссий, проходивших на съезде, и о круге проблем, которые подверглись обсуждению.

ВАРШАВА, 27 июня. (По телефону)

Творения СВОБОДНОГО ТРУДА

На проходящих сейчас ярмарке в Будапеште и выставках в Брюсселе и Найроби (Южная Африка) внимание посетителей привлекают изделия чехословацкой промышленности. Они отличаются высоким качеством и прекрасной отделкой.

Это не только изделия легкой промышленности, но, главным образом, машины, станки, различное оборудование, производство которых получило широкий размах в народно-демократической Чехословакии.

Еще в период двухлетнего народнохозяйственного плана предприятия Чехословакии выпустили 530 новых видов машин, ранее не изготовлявшихся в стране. Среди них: паровые турбины высокого давления, турбокомпрессоры, дизель-электродвигатели, различные горные оборудование, машины для молочной, стекольной, кожевенной и химической промышленности, комбайны для уборки свеклы и картофеля и многие другие.

Только в первой половине текущего года чехословацкие изделия из металла были представлены на 23 международных ярмарках и выставках. До конца года продукция машиностроительной промышленности будет представлена на ярмарках в Лодзине, Стокгольме, Цюрихе, Нампуре, в Кастане, а также на выставке авиационной промышленности в Париже.

НАША СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Книги, помогающие творить

— Самый бесшумный и один из важнейших цехов нашего завода, — говорит рабочий Кузнецкого металлургического комбината им. Сталина о своей научно-технической библиотеке.

Это сказано не для красного слова. Знакомая с повседневной работой библиотеки, невозможно представить себе существование крупнейшего на востоке страны металлургического предприятия без нее, — так же, как, скажем, без мартовского или прокатного цеха.

Над столами, освещенными настольными лампами, склонились десятки людей. В вечерние часы здесь трудно найти свободное место. А в комнатах, где выдаются книги на дом, люди весь день.

В библиотеке свыше четверти миллиона книг и журналов. У нее несколько тысяч читателей. Самое замечательное заключается в том, что каждый второй читатель — это рабочий!

Что потянуло их к научно-технической библиотеке? Вот слесарь-водопроводчик домашнего цеха Ф. Рыбков, бывший пионер ремесленного училища. Поступив в цех, он увлекся техникой, технической литературой, и это помогло ему получить высший разряд. Другой читатель — газожик домашнего цеха В. Шапошников, в прошлом воспитанник детского дома. Он решил стать инженером и упорно идет к своей цели. В 1949 году, окончив школу рабочей молодежи, он поступил на вечернее отделение Сибирского металлургического института в Сталинске. За первые пять месяцев 1950 года он взял по своему абонементу 19 книг, и среди них такие капитальные труды, как «Металлургия чугуна» М. Павлова, «Теплообмен в доменной печи» В. Каганова, и другие.

— Было время, — рассказывает заведующий библиотекой Нина Лаврова, — когда считалось, что мы должны обслуживать лишь инженерно-технических работников. Но вот развернулось стахановское движение. Круг читателей стал расти не по дням, а по часам. Пришлось подумать о новых методах работы.

С полком хранилищ книги начали «перекочевывать» в цехи: к настоящему времени библиотека организовала 28 постоянных филиалов в цехах и на участках. Первый из них был открыт в доменном цехе пятнадцатилетнего подростка. Сейчас каждый из пятнадцати цехов требует: «Как хотите, а филиал подавайте!». Рабочие электростанцарей, котельного цеха включили в коллективные договоры на 1950 год специальные пункты об открытии филиалов.

Интересную работу ведут эти отделения библиотеки. Все новаторы производства состоят на особом учете. Их библиотечные абонементы можно узнать по специальным красным наклейкам. На обороте абонементов записано, над какими темами работают их обладатели. Все технические новинки по этой тематике тотчас же попадают в руки новаторов. Рационализатор из мартовского цеха № 4 Г. Попов, создавший специальный контейнер для поджарки кирпичей при ремонте мартовской печи, разрабатывая свое изобретение, использовал четыре библиотечные книги по вопросам подземно-транспортного оборудования.

Постоянным вниманием работников библиотеки пользуются и инженеры завода, работающие над диссертациями на соискание ученой степени.

ОТ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Городок за советские времена и внешне значительно изменился — отстроился, стал чище, благоустроеннее. Строится двухэтажные жилые дома, новая городская больница, кинотеатр на восемьсот мест, все, что характерно и без чего немислимо любой советский город.

Маленький городок Приморья живет большой, многогранной жизнью. С. БЫТОВОЙ

ИМАН, Приморский край

В совхозе тридцати Героев

Машина вышла на пригорок, и перед глазами, совсем близко от реки, возникла панорама совхоза «Караваяев», родины колхозного скота. Это один из центров советского животноводства. Широко раскинулся социалистический городок с красными домами, строящимися новыми зданиями детских яслей и больничными школами, клубом, гостиницей с огромным парком. Неподалеку воздвигнут второй городок — животноводческих ферм.

Тридцати караваяевцам присвоено звание Героя Социалистического Труда. Так и называют «Караваяев» — совхоз тридцати Героев.

Шесть лет назад стадо костромской породы насчитывало восемнадцать тысяч голов, сегодня — сто тысяч! «Костромички» акклиматизировались на Украине и в Кыргызстане, под Владимиром и в Белоруссии, во многих других районах страны.

Когда в «Караваяев» была выведена новая порода скота, то возник вопрос, как ее назвать. Опыты предлагали «караваяевской». Но другие законно возражали: разве новую породу создали только в совхозе? Ведь и колхоз «12-й Октябрь» внес свой вклад в это большое дело и «Птилетка» и артель имени Молотова, и многие другие. Новую породу назвали костромской.

Над дальнейшим улучшением костромской породы коров трудятся главный зоотехник совхоза «Караваяев» Станислав Иванович Штейман и Герои Социалистического Труда заведующая фермой колхоза «12-й Октябрь» Прасковья Андреевна Малинина, доярка совхоза Пелагея Федоровна Суслова и колхозница артели имени Молотова Анна Николаевна Болышкова.

Рядовые люди стали ассистентами ученых зоотехников. Вот у бурной реки Касти пасется большое стадо колхоза «Птилетка». Пастбище разбито на клочки. Пастух ведет колхозник Константин Алексеевич Савельев. Через плечо у него лушкочко. Пастух проводит опыт: подсаживает траву и проверяет, насколько скот лучше едет ее, как отражается подсолка на доде.

В колхозе имени Молотова над другой научной темой работает доярка Анна Михайловна Болышкова. В практике «Колхоза» за было так: за два месяца перед отелом коровам давали питание, не превышающее 6-7 кормовых единиц. Болышкова увеличила норму кормления коров «Муш» до 12 единиц. Опыт блестяще себя оправдал. Вот уже в течение шести месяцев корова каждый месяц дает от 750 до 800 литров молока.

Станислав Иванович Штейман вел нас от одного совхозного двора к другому, и на каждом шагу глаза открывались нечто новое, из ряда вон выходящее.

НАША СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Книги, помогающие творить

— Самый бесшумный и один из важнейших цехов нашего завода, — говорит рабочий Кузнецкого металлургического комбината им. Сталина о своей научно-технической библиотеке.

Это сказано не для красного слова. Знакомая с повседневной работой библиотеки, невозможно представить себе существование крупнейшего на востоке страны металлургического предприятия без нее, — так же, как, скажем, без мартовского или прокатного цеха.

Над столами, освещенными настольными лампами, склонились десятки людей. В вечерние часы здесь трудно найти свободное место. А в комнатах, где выдаются книги на дом, люди весь день.

В библиотеке свыше четверти миллиона книг и журналов. У нее несколько тысяч читателей. Самое замечательное заключается в том, что каждый второй читатель — это рабочий!

Что потянуло их к научно-технической библиотеке? Вот слесарь-водопроводчик домашнего цеха Ф. Рыбков, бывший пионер ремесленного училища. Поступив в цех, он увлекся техникой, технической литературой, и это помогло ему получить высший разряд. Другой читатель — газожик домашнего цеха В. Шапошников, в прошлом воспитанник детского дома. Он решил стать инженером и упорно идет к своей цели. В 1949 году, окончив школу рабочей молодежи, он поступил на вечернее отделение Сибирского металлургического института в Сталинске. За первые пять месяцев 1950 года он взял по своему абонементу 19 книг, и среди них такие капитальные труды, как «Металлургия чугуна» М. Павлова, «Теплообмен в доменной печи» В. Каганова, и другие.

— Было время, — рассказывает заведующий библиотекой Нина Лаврова, — когда считалось, что мы должны обслуживать лишь инженерно-технических работников. Но вот развернулось стахановское движение. Круг читателей стал расти не по дням, а по часам. Пришлось подумать о новых методах работы.

С полком хранилищ книги начали «перекочевывать» в цехи: к настоящему времени библиотека организовала 28 постоянных филиалов в цехах и на участках. Первый из них был открыт в доменном цехе пятнадцатилетнего подростка. Сейчас каждый из пятнадцати цехов требует: «Как хотите, а филиал подавайте!». Рабочие электростанцарей, котельного цеха включили в коллективные договоры на 1950 год специальные пункты об открытии филиалов.

Интересную работу ведут эти отделения библиотеки. Все новаторы производства состоят на особом учете. Их библиотечные абонементы можно узнать по специальным красным наклейкам. На обороте абонементов записано, над какими темами работают их обладатели. Все технические новинки по этой тематике тотчас же попадают в руки новаторов. Рационализатор из мартовского цеха № 4 Г. Попов, создавший специальный контейнер для поджарки кирпичей при ремонте мартовской печи, разрабатывая свое изобретение, использовал четыре библиотечные книги по вопросам подземно-транспортного оборудования.

Постоянным вниманием работников библиотеки пользуются и инженеры завода, работающие над диссертациями на соискание ученой степени.

Алексей СУРКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

На съезде польских писателей

24 июня начал свои работы пятый съезд польских писателей. К 10 часам утра в просторном, светлом зале заседаний Государственного Совета собрались участники съезда — писатели Варшавы, Кракова, Вроцлава и других городов Польши. В зале много гостей — представителей интеллигенции, работников смежных искусств. На первых скамьях места съезда — делегаты зарубежных литератур.

Председатель Союза польских писателей Леон Кручковский, открывая съезд, сказал в своем вступительном слове о больших творческих и организационных задачах, которые предстоит разрешить съезду. Встреченный оживленно председателем Совета Министров Польши Юзеф Циранкевич передал съезду приветствие президента республики, правительства и сказал, что народ, созидающий социализм, ждет от литературы больших произведений.

Один за другим поднимались на трибуну зарубежные гости — представители Союза советских писателей СССР, писатели Чехословакии, Венгрии, демократической Германии, США, Бразилии. Они передавали участникам съезда приветствия от литературы, которые их послали на съезд.

Сегодня вечером после приема у президента республики Болеслава Берута, после большого интернационального вечера поэзии, который должен быть в одном из самых больших залов Варшавы, съезд закончит свои работы и выберет новое руководство союза.

Еще очень свежи непосредственные впечатления от работы съезда, от дискуссии. Еще не совсем сложилось представление об общем направлении прений, которые нам удалось прослушать, но одно можно сказать твердо: этот съезд будет немаловажной вехой в развитии Союза писателей Польши. Те большие проблемы, которые стоят перед польскими писателями в свете огромных, решаемых польским народом, задач осуществления пятилетнего плана строительства социализма, требуют от всех литераторов повышения ответственности перед народом за свою работу, всемерного развертывания критики и самокритики. Необходимо смелее выдвигать новые темы в литературе, следует вплотную подойти к разрешению задачи изображения в произведениях современной литературы основной фигуры сегодняшней Польши — польского рабочего, строящего новую социалистическую промышленность, и польского крестьянина, делающего первые шаги в сторону новых методов работы в сельском хозяйстве.

Этими проблемами было озабочено большинство участников съезда, и не удивительно, что во множестве выступлений звучали голоса, призывающие к более тщательному, глубокому и серьезному изучению опыта советских писателей, призывающие к установлению более тесной, постоянной и плодотворной творческой связи между Союзом советских писателей и Союзом писателей Польши.

Доклады Адама Важики о состоянии и задачах польской литературы и литературоведения, профессора С. Жулкевского было положено начало обсуждению основных творческих проблем, волнующих польских писателей. Три заседания шли прения по этим вопросам. Сначала сдержанные, они, чем дальше, тем больше, принимали характер оживленной дискуссии. Участник дискуссии, представители всех поколений польской литературы, говорили о тех задачах, которые ставят перед литературой действительность строящегося социализма.

Громко прозвучал на съезде голос молодых польских писателей. Они говорили о росте писательской молодежи, о том, что она требует внимания и помощи со стороны старшего поколения литераторов. Они не соглашались с тем, что среди польских писателей происходит борьба поколений, и утверждали, что борьбы поколений нет, а есть естественная борьба разных классовых тенденций в литературе.

Дискуссия, начатая по докладу А. Важики и С. Жулкевского, с новой силой продолжалась после доклада председателя союза Леона Кручковского, посвященного идеологической платформе и организационным основам деятельности польских писателей. Эта дискуссия не закончилась и сейчас, а уже я передаю вам свои заметки о работе съезда.

По возвращении в Союз, когда уже будут закончены работы съезда, я постараюсь более подробно рассказать читателям «Литературной газеты» о характере дискуссий, проходивших на съезде, и о круге проблем, которые подверглись обсуждению.

ВАРШАВА, 27 июня. (По телефону)

ТВОРЕНИЯ СВОБОДНОГО ТРУДА

На проходящих сейчас ярмарке в Будапеште и выставках в Брюсселе и Найроби (Южная Африка) внимание посетителей привлекают изделия чехословацкой промышленности. Они отличаются высоким качеством и прекрасной отделкой.

Это не только изделия легкой промышленности, но, главным образом, машины, станки, различное оборудование, производство которых получило широкий размах в народно-демократической Чехословакии.

Еще в период двухлетнего народнохозяйственного плана предприятия Чехословакии выпустили 530 новых видов машин, ранее не изготовлявшихся в стране. Среди них: паровые турбины высокого давления, турбокомпрессоры, дизель-электродвигатели, различные горные оборудование, машины для молочной, стекольной, кожевенной и химической промышленности, комбайны для уборки свеклы и картофеля и многие другие.

Только в первой половине текущего года чехословацкие изделия из металла были представлены на 23 международных ярмарках и выставках. До конца года продукция машиностроительной промышленности будет представлена на ярмарках в Лодзине, Стокгольме, Цюрихе, Нампуре, в Кастане, а также на выставке авиационной промышленности в Париже.

Мих. ЖЕТЕВ

КОСТРОМА

«ВОЛНУЮЩИЙ ВОПРОС»

В № 29 «Литературной газеты» от 8 апреля 1950 года опубликована статья проф. В. Колбановского «Волнующий вопрос», в которой говорится о необходимости широко обсуждать достоинства и недостатки действующих в настоящее время двух систем школьного обучения — сов-

местного (для обеих полов) и раздельного. На статью проф. В. Колбановского редакция получила множество откликов. Часть полученных писем была опубликована в № 36 «Литературной газеты» от 4 мая. Сегодня редакция продолжает публикацию откликов.

„Бифуркаторы“ — оруженосцы педологии

Исходя из практического опыта и личных наблюдений, хочется со всей решительностью выступить против так называемой «бифуркации» и ее сторонников.

Один из таких сторонников М. Тимофеев утверждает, что «...девочки в целом меньше несут в себе исторического опыта (подумайте только — исторического опыта! — С. К.) в других сторонах жизни и деятельности людей, например, в области борьбы с наиболее грозными и могучими силами природы... в области усовершенствования техники производства и т. д.». А отсюда у него совершенно неверный, лженаучный вывод, что девочки, в силу «исторических причин», якобы не способны овладеть такими предметами, как физика, математика, химия.

Непонятно, откуда только у М. Тимофеева взялись данные и обоснования к этому предостроению «историческому опыту»? Ведь это же не иное, как перенесение теорий буржуазных идеологов об интеллектуальной неполноценности женщин. Скажем прямо, что это — завуалированная форма превращения педологии.

Мне кажется, что такое суждение М. Тимофеева есть плод несерьезного отношения к истории вообще и к «историческому опыту», в частности.

На самом деле, этот «исторический опыт» следует выводить только из социального характера общества и роли и места женщины в этом обществе.

Всем известно, что во всех доисполнительских общественно-экономических формациях женщина по своему правовому положению не могла участвовать в развитии науки, в управлении производством и государством. Ее удел, как определяли немецкие буржуазные моралисты, выражался в формуле «четыре К»: «Kinder, Küche, Kleider, Kirche» (дети, кухня, платье, церковь. — С. К.). А для подобной деятельности женщине не требовалось больших знаний в любой области науки.

Раздельное обучение надо сохранить

Дореволюционная система обучения была раздельной — система интернатов, пансионов, мужских и женских гимназий. Надзор классного надирателя или классной дамы, патриархальная семья — все это отделило воспитанников от окружающего мира, создавало ненормальные условия и приводило к тому, что многие, особенно из закрытых учебных заведений, выходили с надломленной психикой, с индивидуальными устремлениями, чуждыми коллективу, обществу.

Иное представляла наша, советская школа. Здесь раздельная система не превращает школу в изолированную от мира корпорацию. Учащиеся школы являются активной частью нашего народа. В период подготовки к выборам в Верховный Совет школьники в корнических платьях ходили и избирателям, разъясняли избирательный закон, проводили чистку газет и т. д. Школьники и школьницы встречались друг с другом в деловой, товарищеской обстановке, вполне равноправно участвуя в общественной жизни, в деятельности комсомольских и других общественных организаций.

По требованию равноправия не должно означать уравниловки. Бесспорно, что к различным предметам, преподаваемым в школах, следует подходить в зависимости

от того, преподаются ли эти предметы мальчикам или девочкам. Не секрет, что мальчики и девочки, вернее юноши и девушки, проявляют при выборе специальности особые склонности. Вот пример. Два учебных заведения находятся рядом. Но по своему составу учащихся в одном — девочек примерно одна треть, в другом — почти сплошь девочки. А ведь это открытые учебные заведения, выбор которых совершенно свободен. Первое — сельскохозяйственный техникум, второе — педагогическое училище.

Нельзя забывать и такого положения, что коммунистическое общество не только не исключает участия семьи в воспитании детей, но, наоборот, делает это участие еще более ответственным. Девушки — будущие матери, и они должны быть готовы к выполнению ответственного долга материнства. А для этого девушек надо соответственно воспитывать.

Какой же вывод следует сделать из сказанного? Система раздельного обучения должна остаться. Вместо разговоров о нужности или ненужности этой системы следует тщательно и срочно продумать программы для женских и мужских школ.

С. НАЗАРОВ, преподаватель яттинского педагогического училища

Мнение матери

Обучение детей, безусловно, должно быть совместным. При раздельном обучении у мальчиков развивается какое-то пренебрежительное отношение к девочкам и к женской школе. Я слышала от мальчиков выражение: «благая школа».

В детских домах девочки и мальчики воспитываются вместе, в интернатах летние каникулы проводят вместе. Получается как-то нелогично: проводить совместно несколько часов в день за партой в школе вредно, а жить и отдыхать вместе полезно.

Оставляя в стороне большие проблемы, я хочу остановиться на некоторых практических вопросах. Я живу недалеко от мужской школы, в которой во вторую смену занимается 11 классов, а рядом, в

женской, — 9 классов. Следовательно, надо ликвидировать строительство двух школ. А если соединить учащихся, то можно удовлетвориться постройкой одной.

Маленькие школьники, дети, учащиеся во вторую смену, а также живущие на окраинах, заинтересованы, чтобы школа была ближе к дому. Часто бывает, например, что девочка живет рядом с мужской школой, а бежит в свою, женскую, за три километра.

В заключение хочу высказать еще раз свое мнение, мнение матери: пусть наши дети учатся вместе!

А. НЕДОСКИНА, домашняя хозяйка ЛЕНИНГРАД

„У нас в школе“

С интересным очерком «У нас в школе» выступила писательница Елена Нагаева в № 5 журнала «Новый мир».

Автор ведет повествование от лица ученицы мужской школы. Коллектив педагогов дружит с коллективом педагогов соседней женской школы. Учителя встречаются, горячо спорят, делается опытом. И в последнее время при встречах все чаще и чаще обсуждают между собой волнующий вопрос — о совместном и раздельном обучении.

Елена Нагаева очень правильно и точно подметила настроения и мысли педагогов. Директор женской школы Анна Павлова говорит: «Нам стало трудней, когда мы остались одни. Время совместного обучения вспоминаем добрым словом».

Много свежих мыслей высказывает автор очерка, излагая споры учителей о совместной и раздельной системе школьного воспитания. Некоторым деятелям министерства просвещения и Академии педагогических наук полезно прислушаться к следующим словам автора: «Не надо бояться являть уроки из существующего опыта совместного и раздельного обучения».

«Почему бы Академии педагогических наук...» — продолжает автор, — не созвать совещания учителей, работающих в тех и других школах? У нас накопились богатый опыт, и учитель должен полным голосом заговорить о том, что вызывает бесконечные споры в узком кругу... Дело не в том, где трудней и где легче работать и кто выиграл — мальчики или девочки. Важно ответить на вопрос, что теряют те и другие, что теряет советское общество при системе раздельного обучения».

Елена Нагаева пишет о том, как после введения раздельного обучения «бифуркационные» настроения стали проникать в среду учителей. Долго до того, что в третьем классе некоторые педагоги стали

даже различать сказки «для мальчиков» и «для девочек».

О многом и по-серьезному заставляет задуматься заключительная часть очерка. Завуч мужской школы беседует (в который раз!) с директором женской школы об «однородности» детского коллектива — мужского или женского:

«— Большой вопрос...» — говорит Анна Павлова. — Когда я заговорила об этом в горно, — мне один товарищ ответил: «Дело педагога тщательно готовится к очередному уроку, следить за дисциплиной. А какая система обучения лучше — это не нам решать».

«Только чиновник мог так ответить учителю, — заканчивает автор очерка. — А жизни? А наш практический опыт? Разве не мы, народные учителя, творцы нашей школы? Мы хотим сами строить советскую школу, хотим сами определять ее судьбу — по-хозяйски, так же, как решают вопросы развития народного хозяйства инженеры и стахановцы, колхозники и трактористы».

В. П.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

М. ДЕРЖАВЕЦ, доцент Ярославского медицинского института, заслуженный врач РСФСР

Мысли врача

На моем столе — толстая папка писем, адресованных в Вичугу, Юстому, Ярославлю, в те города, где мне довелось работать после окончания института и практики в московской клинике. Это — письма замечательного советского хирурга, академика С. И. Спасокукоцкого к своему ученику, бесценный дар учителя, мой «второй университет».

До самой своей смерти Сергей Иванович находил время и силы, чтобы вести деятельную переписку со своими многочисленными учениками. Какая сокровищница мысли и опыта заключена в его письмах! Он направлял молодых врачей, давал советы, практические и житейские, ободрял в трудную минуту, вел, учил.

Вот одно из писем. Ручкой учителя тщательно выведен чертёж аппарата, который он рекомендовал применить в хирургической практике костромской больницы. К чертёжу приложено подробное описание аппарата и настоятельный совет — вести это хозяйство в жизнь.

Прошло много лет, мне довелось сделать около сотни тысяч операций, но и сейчас, на склоне лет, советы покойного учителя помогают мне в работе.

Однажды академик писал мне: «Приятно видеть кругом себя товарищей, идущих вперед. Это уже не грустная смена, а смена дня...»

Поддерживать настоящую связь с нашей сменой, с молодыми — прямой долг научных работников институтов, руководителей кафедр, всех опытных врачей.

Триста студентов-выпускников Ярославского медицинского института в эти дни получают дипломы врача. Новые, молодые отряды врачебной интеллигенции по всей стране выходят в жизнь.

Гуманный труд работников медицины высоко ценится в советской стране, где человек — интерес человека. А врач — один из тех, кто неустанно оберегает эти интересы.

Нигде в мире нет такого внимания к народному здравоохранению, как у нас. И если мы обратимся к государственному бюджету, только что принятому советским Верховным Советом, мы увидим колоссальную сумму, ассигнованную на охрану здоровья. 22 миллиарда рублей на год — цифра эта сама говорит за себя!

Долг советского врача — предупредить болезнь, а там, где она возникает, — быстрее ее выявлять, и пользоваться богатнейшим опытом нашей медицины, хорошо считая. Для этого созданы все условия: больницы, клиники, курорты, лаборатории, санитарно-гигиенические станции и другие учреждения.

Нам, врачам, дано многое. Но еще больше зависит от нас самих, от нашего поведения, от внимания к больному. Вот об этом-то и хочется мне, старому врачу, сегодня поговорить с молодыми друзьями по профессии.

И бы сказал: всегда и везде, при любых обстоятельствах советский врач должен чувствовать себя в белом халате. Это значит: врач всегда врач! Не вырван он, ни по долгу профессии, ни по долгу совести, откажет в помощи, когда бы к нему ни обратились. Не может он откладывать эту помощь, не может работать «от и до»...

У настоящего врача нет служебных часов. И пусть — бессонные ночи, пусть — устал, трудно, — сознание того, что стоишь на страже здоровья и жизни, высокая ответственность за свое дело, забота о человеке всегда должны отличать советского врача.

Мелочей нет и не может быть в нашей работе. Об этом свидетельствует опыт величайших русских врачей, таких, как Пирогов и Боткин, Захарьин и Бурденко, опыт сотни тысяч советских медиков, работающих во всех уголках нашей бескрайней земли. Для врача, когда он имеет дело с больным, не должно быть мелкого, второстепенного.

Все важно, когда исследуешь, оперируешь, лечишь. И когда сделан сравнительно простую операцию, все равно: порядок в операционной должен быть таким же безукоризненным, как и при сложнейшей операции.

Только так можно избежать того, что в нашей среде принято именовать «врачебной ошибкой». — Я бы скорее назвал это браком в работе врача.

Ошибки чаще всего связаны с неправильным диагнозом, и происходят они от неумения врача распознать болезнь. А

это — следствие недостатка опыта и подготовки. Значит, надо чаще советоваться со старшими товарищами, больше читать. Занятия или гуляние болезнь упорно не дает достояния в кругу коллег наносит иногда непоправимый вред.

Чем больше будет в медицинской среде коллективности, дружной совместной работы старших и младших, взаимоподдержки, тем реже будут ошибки.

Но ошибка, совершенная по незначению, — это одно, а вот ошибка, содеянная по халатности, — это уже брак. Надо и в медицинском мире называть вещи своими именами, надо вести суровую борьбу с такого рода явлениями.

В самом деле, если бы на Ярославском шинном заводе, например, какой-нибудь техник давал бракованные покрышки, командиры производства и рабочие, виновные в этом, были бы во всеуслышание названы браковщиками и понесли бы строгое наказание. А если в детской поликлинике больные нашего города по халатности персонала была допущена внутрибольничная инфекция, из-за которой заболело несколько ребят, — разве это не явный брак в работе врачей?

Но, к стыду нашему, даже в таких случаях во врачебной среде бытует слово «ошибка». Им, этим словом, стараются смягчить положение, найдя себе и своим товарищам по профессии оправдание смыслами на то, что-де «еще ошибается тот, кто не работает».

Не большевистский подход! В медицине, когда речь идет о здоровье, о жизни человека, нет права на «ошибку».

К сожалению, этот вопрос — вопрос насущный и, на мой взгляд, наиболее важный — очень редко поднимается и в специализированных медицинских журналах, и на конференциях врачей, на заседаниях наших научных обществ. Напрасно. Ведь анализ одной неудачи может быть иной раз поучительнее разбора десятка случаев удачного исхода лечения. Наоборот, попытки замалчивать такие вещи свидетельствуют о том, что свежий ветер критики и самокритики еще не проник как следует в мир медицинских работников. Такое замалчивание — пережиток прошлого, когда врачи, покрывая друг друга, руководствовались старым правилом — «я тебя не трогаю, а ты меня не затевай».

Эти нравы несовместимы с нашей советской идеологией.

Вы помните врача Гусева из романа А. Кошляевой «Иван Иванович»? Медик завистник, бездарный человек, он всегда бродил, всегда цедовел действиями доктора Ивана Аржанова — главного врача больницы, повтора, энтузиаста своего дела, человека, неустанно ищущего новых путей в медицине, подлинно советского врача. Помните, как Гусев не хотел положить на операционный стол тяжело больную женщину, опасаясь смертельного исхода: пусть это сделает Аржанов, если он «не боится увеличить число своих смертничков».

Нечего преха таить — не перевернется еще у нас Гусевы. И в Ярославской Аржановым выполнял свой врачебный долг.

Разве совместно с высоким значением советского врача, когда отказывается принять в больницу тяжело больного человека, отказывается именно потому, что он тяжело болен, находится на грани безнадежного состояния? А такие факты иногда бывают. Или когда тяжело больному выписывают из больницы — пусть, дескать, умирает дома. Или когда по первой просьбе родных охотно отдают им больного, вне зависимости от его состояния, была бы только расписка в том, что родственники берут ответственность на себя...

Подобные факты глубоко противны самому духу нашей советской медицины. В их основе лежит чуждое нашему строю желание уклониться от ответственности, желание переложить ее на других людей. Если задуматься в такие факты, — то увидишь, что за каждым из них стоит Гусевы, представители старого, отжившего мира в нашей дружной и честной врачебной семье.

Хочу затронуть еще один вопрос, связанный с пережитками старого в коллективах наших медиков.

Речь идет о частной практике. Я отношусь к ней резко отрицательно. И хотя это может не понравиться некоторым «практикующим» врачам, считаю необходимым обосновать свою позицию.

В стране, создавшей лучшую в мире государственную систему здравоохранения, обеспечившей широкой народным массам бесплатную медицинскую помощь, частная практика не может не быть по самой своей природе паразитическим явлением. Равнодушно к ней относиться невозможно. Советского врача она своим существованием не может не оскорблять; значит, в больницах или клиниках мы работаем еще недостаточно хорошо, если больной готов миновать нас по пути к частноплатящему врачу.

Само собой разумеется, что частная практика в нашей стране давно бы уже окончательно отмерла, если бы не было нерешенного старого, если бы не было еще ходячее убеждение: «что дорого, то мило».

Именно на этой психологии больного и его семьи подчас зиждется дутая слава, коммерческий успех врача-ремесленника, принимающего «на дому».

Ни совершенствование знаний, ни творческий поиск, ни обобщение опыта невозможно там, где врач разменивает свой труд в случайных визитах. Стоит ли говорить о том, как губительно отражается этот, к счастью, все убывающий пережиток в нашей среде на укреплении дела советского здравоохранения.

Соплишь на пример, который недавно приводила «Правда». В Курске проф. Аллини, уделяя основное время частной практике, запустил доверенную ему клинику, плохо лечил больных, забыл о своем врачебном долге. Надо ли доказывать, что подобные дела позорят высокое звание советского врача!

Работы наших выдающихся ученых — Сеченова, Павлова, Быкова, Сперанского — неопровержимо доказали неразрывную связь первично-психических и соматических явлений у человека. В свете этого по-новому звучит и старая истина, что каждая мелочь в поведении врача может влиять на здоровье пациента.

Порой в присутствии больного мы незначительным словом: «рецидиве заболевания» или «сложный случай», или что-нибудь в этом роде. Часто после такой обмолвки врач в состоянии больного наблюдает ухудшение — человек начинает думать о своем безнадёжном состоянии, перестает бороться с болезнью.

Даже жест врача, недоуменное покачивание головой после обследования отражаются на самочувствии больного. И с другой стороны, во-время сказанное ласковое слово, приветливая улыбка ободряют больного человека, вселяют в него веру, помогают его выздороветь.

Это неслышно не понимать! Быть всегда другом человека — таково подлинное призвание врача. Для этого надо всегда думать о больном, проявлять участие, неустанно заботиться о нем.

Волную радость приносит врачу здоровление больного. Что может быть отраднее, чем сознание того, что ты поставил на ноги человека, вернул его в ряды строителей коммунизма, сделал полноценным членом семьи, общества! Ведь это результат твоих усилий, твоих знаний, твоей научной мысли.

Творческое горение, неустанные поиски новых путей в науке и практике, постоянное совершенствование знаний всегда, до глубокой старости, должны пронизывать жизнь врача. Он не ремесленник, а творец, не мастерской, а создатель.

Мне хочется закончить эту статью словами доктора Ивана Аржанова из цитированного уже романа А. Кошляевой «Иван Иванович».

«...Опыт и подучаю, практикуя в народе, а трачу его потом зачастую на кабинетной работе. Нет, народ надо отдавать лучше! Заниматься научной деятельностью можно всюду. А жить? Жить тоже везде интересно. Чем труднее, тем интереснее».

Хорошо и правильно сказано! Интеллектуальная и насыщенная жизнь ожидает молодого врача в стране Советов. Работы — не обнять, для творчества — широчайший простор.

ЯРОСЛАВЛЬ

Изучайте производство, товарищи писатели!

В № 46 «Литературной газеты» я с особым вниманием прочитал статью А. Рыбакова и А. Суркова.

Анатолий Рыбаков в статье «О видении и прочтении» и Алексей Сурков в статье «Драматург и его главная тема» призывают писателей показать советских рабочих в художественной литературе. Но мне показалось, что А. Рыбаков слишком легко остановился на таком большом вопросе, как изучение рабочих персонажей, сбор материалов и изучение производства.

В. Ажаев в романе «Далеко от Москвы» так ярко и правдиво описал пафос стройки только потому, что он был там, переживал вместе с рабочими все неудачи и радовался каждой искорке энтузиазма передовых людей.

Сам А. Рыбаков показывает, как индивидуален труд рабочих одной и той же профессии. И, действительно, приемы работы настолько разнообразны, что поставь, например, десять прекрасных токарей к станкам на одной и той же детали, и ты получишь десять изделий, разных по качеству и выполненности не в одно время. А как сказывается это разнообразие приемов в слесарной профессии!

У нас на заводе «Красное Сормово» не видно, чтобы тщательно и глубоко изучались отличительные приемы повторов производства. Правда, о них пишут, но почти каждый раз сообщают только, что такой-то перенял своего товарища потому, что своевременно заглянул инструмент, разложил его в порядке и т. д. Это не главное. Основное, что заставляет повтора быть вперед, — это интерес к делу; любовь к нему, умение организовать весь процесс работы. Каждый мастер, подучая чертеж на ту или иную работу, прежде всего задает себе вопрос: «Как на-

чальник Рыбаков в статье «О видении и прочтении» и Алексей Сурков в статье «Драматург и его главная тема» призывают писателей показать советских рабочих в художественной литературе. Но мне показалось, что А. Рыбаков слишком легко остановился на таком большом вопросе, как изучение рабочих персонажей, сбор материалов и изучение производства.

В. Ажаев в романе «Далеко от Москвы» так ярко и правдиво описал пафос стройки только потому, что он был там, переживал вместе с рабочими все неудачи и радовался каждой искорке энтузиазма передовых людей.

Сам А. Рыбаков показывает, как индивидуален труд рабочих одной и той же профессии. И, действительно, приемы работы настолько разнообразны, что поставь, например, десять прекрасных токарей к станкам на одной и той же детали, и ты получишь десять изделий, разных по качеству и выполненности не в одно время. А как сказывается это разнообразие приемов в слесарной профессии!

У нас на заводе «Красное Сормово» не видно, чтобы тщательно и глубоко изучались отличительные приемы повторов производства. Правда, о них пишут, но почти каждый раз сообщают только, что такой-то перенял своего товарища потому, что своевременно заглянул инструмент, разложил его в порядке и т. д. Это не главное. Основное, что заставляет повтора быть вперед, — это интерес к делу; любовь к нему, умение организовать весь процесс работы. Каждый мастер, подучая чертеж на ту или иную работу, прежде всего задает себе вопрос: «Как на-

чальник Рыбаков в статье «О видении и прочтении» и Алексей Сурков в статье «Драматург и его главная тема» призывают писателей показать советских рабочих в художественной литературе. Но мне показалось, что А. Рыбаков слишком легко остановился на таком большом вопросе, как изучение рабочих персонажей, сбор материалов и изучение производства.

В. Ажаев в романе «Далеко от Москвы» так ярко и правдиво описал пафос стройки только потому, что он был там, переживал вместе с рабочими все неудачи и радовался каждой искорке энтузиазма передовых людей.

Сам А. Рыбаков показывает, как индивидуален труд рабочих одной и той же профессии. И, действительно, приемы работы настолько разнообразны, что поставь, например, десять прекрасных токарей к станкам на одной и той же детали, и ты получишь десять изделий, разных по качеству и выполненности не в одно время. А как сказывается это разнообразие приемов в слесарной профессии!

У нас на заводе «Красное Сормово» не видно, чтобы тщательно и глубоко изучались отличительные приемы повторов производства. Правда, о них пишут, но почти каждый раз сообщают только, что такой-то перенял своего товарища потому, что своевременно заглянул инструмент, разложил его в порядке и т. д. Это не главное. Основное, что заставляет повтора быть вперед, — это интерес к делу; любовь к нему, умение организовать весь процесс работы. Каждый мастер, подучая чертеж на ту или иную работу, прежде всего задает себе вопрос: «Как на-

Теперь хочется обратить внимание на досадную ошибку в статье Анатолия Рыбакова.

«Мы разговариваем с начальником цеха о его работе. Это плотный, даже несколько чересчур плотный для своих тридцати пяти лет человек, одетый в синюю рабочую куртку, из грудного кармана которой торчит крошечный иголка».

Что крошечный дорисовывает в образе положительного героя? Ведь автор (неумышленно) ставит начальника в смешное положение. Крошечный, как измерительный инструмент, уже отжил на механических заводах. Его заменили штангеля, микрометры, сложнейшие измерительные приборы.

Из всех слесарей нашего цеха только я созрания крошечный, да и то на память. Спринтавшего, для чего начальнику крошечный? Если он проветривает у рабочих работу, значит, он подменяет мастера ОТК. Начальник обязан во-время спринуть с каждого, во-время направить людей на узкие места. Проверить же — промерять бригады и мастера. В общем, образ начальника цеха одной этой деталью — крошечный, на мой взгляд, неопорочен.

Указанные мною незначительные ошибки лишний раз подтверждают, что изучать производство надо тщательно и долго. Писателю следует знать не только героев, о которых он задумал писать, но и их техническую терминологию.

Высокое качество, точность, красота должны быть присущи и труду рабочего, и творчеству писателя.

Александр НОВОЖИЛОВ, слесарь завода «Красное Сормово» им. А. С. Жданова

Слово, сказанное во-время

В. ВИХРОВ

Дорого слово, во-время сказанное... Бывает, что писатель пишет десять и двадцать лет, обретает мастерство, уже опытный художником выстает перед читателями, но все словно чего-то недостает в этих его произведениях: нет в них слова, которое сказано необходимо во-время.

Не так давно вышла книга М.Х. Слонимского «Первые годы». Под таким названием был напечатан старый роман писателя «Давровы» (1927 г.), переработанный, как говорится в авторском предисловии, «с позиций нашей постсоветской действительности». М.Х. Слонимский многое изменил в романе, кое-что добавил из других своих произведений — «Фомы Кашнева» (1929 г.) и «Прощания» (1936 г.), однако книга прошла незамеченной. Переделка не сделала роман более современным. Многие остались оценочными со старых позиций, так, например, Керенский рисуется в книге истерическим хлюпиком, безвольным «главоуговаривающим», и только. А между тем, более существенно для характеристики Керенского, что он являлся марионеткой в руках англо-французских и американских империалистов. Со всем не освещена в романе роль иностранного капитала в России, оказывавшего немалое давление на политику Временного правительства.

Это интересно отметить, между прочим, потому, что писатель работал почти одновременно над «Первыми годами» и над своим новым романом «Инженеры», где деятельность инвентарных промышленников и финансистов, их пагубное влияние на экономическую и культурную жизнь страны обрисованы со всей наглядностью.

Теперь на столе у читателя лежит новый роман Слонимского «Инженеры» — одно из первых художественных произведений о приоритете нашей отечественной науки, о первенствующей роли русских изобретателей в мировой технике.

«Инженеры» — роман исторический. Время его действия — 10-е годы нашего века. Место действия — Санкт-Петербург. Но совершенно явственна живая связь этой книги с нашей послесоветской действительностью, с нашей неустанной борьбой за приоритет русской науки, на которой до наших дней посягают западноевропейские и заокеанские охотники до чужого добра.

Писатель рассказывает в своей книге о случае «жизнейском», как выражается один из персонажей, об обычном в условиях старой, буржуазно-помещичьей России. Молодой инженер Иван Ланговой изобретает оригинальный станок, который упрощает и ускоряет производство мелких частей машин. Чертежи «для апробации» увозит в Бельгию. Вскоре в одном из зарубежных журналов появляется описание сконструированного Ланговым станка, и авторство его приписывается бельгийцу, брату петербургского промышленника, на заводе которого служит Ланговой. Проект русского инженера был попросту украден. Справедливости ради следует отметить, что этот случай из уголовной практики европейских «изобретателей» выглядит довольно обыкновенно в ряду многих других исторических фактов.

Еще Ломоносов называл бездарных немецких профессоров, заседавших в русской Академии наук, «татами», то-есть ворями и «неприятелями наук Российских».

Первую паровую машину, сработанную в 1763—1766 гг. солдатским сыном Иваном Ползуновым, немецкие мастера разрушили на заводе в Барнауле. Только два десятилетия спустя к идее парового двигателя обратился англичанин Джеймс Уатт. А электротехника дуга, открытая в 1802 году Петровым и названная позже по дуге Петрова, а вольтерой дуггой?

В романе большевик-инженер Максеев

М.Х. Слонимский. «Инженеры». Роман. «Советский писатель», 1959, 218 стр.

объясняет профессору Кондакову, что этот «разбой среди бела дня» является законом капиталистического общества. «Вся система жизни устроена так, — говорит Максеев, — чтобы душить народ, в самом зачатке уничтожать тысячи ученых инженеров... А та наука, которая есть, отлана на пошлый провозов нынешним Аррайтом. Ведь их прародителей, их бог — Ричард Аррайт, величайший вор чужих изобретений и самый низкий субъект».

К этим красноречивым словам можно добавить лишь то, что более других Аррайт обогнал русского изобретателя XVIII века Козьму Фролова, у которого, в частности, он заимствовал принцип комплексной механизации технологических процессов. Этот принцип, давший необычайный производственный эффект, прославил вора Ричарда Аррайта не только в Англии, но и по всей Европе.

Все это, конечно, общеизвестные факты. Однако многие из них привлекают внимание наших читателей? Михаил Слонимский выразил самый ядовитый случай, один из тысячи, и построил на нем интересный, политически острый роман, раскрывающий поучительные и еще мало изученные в литературе страницы истории России начала XX века. Россия эпохи империализма, когда по-хозяйски распоряжались на русской земле немецкая марка и шведская крона, английский фунт и американский доллар.

«Санкт-Петербург дышал иностранным воздухом, — пишет Слонимский, — Иностранцы промышленники, коммерсанты, ремесленники глубоко внедрились в город. Нигде в России преклонение перед всем иностранным не выражалось так явно, как в этот период. В холодных залах министерств находили поддержку любые иностранные предприниматели».

Жадные пылания иностранного капитала тянулись к металлургии Юга, углю Донбасса, нефти Баку, золоту Сибири... Оборонные приказы из-за рубежа покупали уральский лес, и модные петербургские адвокаты, брали в аренду украинские земли и столичные газеты, субсидировали декадентские журналы и подсылали провокаторов в рабочие организации... У них был европейский опыт! Когда профессор Кондаков вступает за приоритет изобретения своего ученика Лангового, он твердо рассчитывает на свой крупный научный авторитет. Но случается так, как предсказывает Максеев: «Такие хоть Льва Толстого за бороду по грязи протащат, если дело касается денег...» Старого русского ученого объявляют сумасшедшим, либеральная газета, финансируемая банкиром Мердером, пытается политически дискредитировать его. Угрозы, шантаж, газетная травля, предательство «друзей» преследуют инженера Лангового.

М.Х. Слонимский написал книгу, насыленную драматизмом борьбы, которую напряженно ведут с русскими и иноземными «западниками» Ланговой и Кондаков, большевик Максеев и скептический Вася Котляков, мальчуган с Выборгской стороны, и русские рабочие, защитники приоритета отечественной техники.

Писатель не «погружается в историю». Его не интересуют мелочные детали быта, анекдоты, вычитанные из забытых газет. Действующих лиц его книги прежде всего волнуют социальные проблемы эпохи, и поставлены они прямо и резко. Жизнь пропекает героям Слонимского суровый урок, она обучает их той простой истине, что техника, инженерия неотъемлемо связаны с политикой, что, как говорит профессор Кондакову большевик Максеев,

«вопрос чести и достоинства русской науки тоже решается в революции, и никак иначе...» В этих словах заключена основная идея романа «Инженеры».

Главный герой романа инженер Ланговой еще не осознал полностью этих истин, он только подходит к пониманию их. Но дальнейшая эволюция образа ясна читателям. Ланговой в заключительных главах романа ведет упорное сражение за наследство русского ученого Кондакова, загубленного громадой власти иностранного капитала, за приоритет родной науки, и эта патристическая деятельность сблизает его с подлинными борцами за спасение России, с большевиками.

Две России, два Петербурга показывает писатель. Один — это Санкт-Петербург, дышащий иностранным воздухом, а другой — это рабочий, русский Питер. Здесь, по эту сторону баррикады, находятся истинные друзья профессора Кондакова и изобретателя Лангового. Здесь, на Выборгской стороне, сколачивают большевистские силы грядущей революции. И не случайны слова одного из героев: «Один товарищ читал на Кавказе и пересказал мне статью, в которой есть такие слова: «...социалистической строй с такой же неизбежностью последует за капитализмом, как за ночью следует день...» Слова эти звучат в конце романа, их с жадностью слушает рабочий парнишка Вася Котляков, по-своему пересказывая их потом матери.

Вася, его мать, ученый Кондаков и изобретатель Ланговой — это все, что выдвинуто автором в романе изобретателя Лангового, выдвинутое со всеми противоречиями и острыми углами его души. Эволюция его мировоззрения с большим тактом и умением показана Слонимским. К сожалению, об изобретателе Максееве лишь резких индивидуальных черт. Максеев напоминает больше как интересный собеседник профессора Кондакова, чем как революционный практик 10-х годов. Действительность Максеева в рабочих кружках показана бедно и одномерно — только как просветительская работа. Вышла из поля зрения автора напряженная борьба большевиков, которую они вели в этот период против меньшевиков-ликвидаторов и «отзовистов». И совершенно напрасно. В Кратком курсе истории ВКП(б) особо говорится о Выборгском районе Петербурга (с которым связано действие романа), что именно в это время большевикам удалось завоевать ряд рабочих меньшевистских организаций (Выборгский район, Екатеринбург и др.).

Роман М.Х. Слонимского несколько разнотипен. Писатель не боится сатирических красок. Он смело вносит их в реалистическую ткань романа. Очень хороши зло и метко очерченные, почти гротесковые фигуры «благородного» адвоката и редактора либеральной газеты. По ходу в той же манере писатель рисует образ профессорской элиты Евгения Львовича, с позднейшее раскание противоречит логике развития характера: презлая и пренебрежительная, карикатурно обрисованная в романе, неожиданно оказывается нежной супругой и добродетельной матерью.

Неясно, зачем надо было дочь профессора Кондакова — Ниночку выводить в книге типичной чеховской «душечкой», которая идет за Ланговым, бором демократической науки, так же покорно и безвольно, как прежде шла за Белкиным, эдаким смердячиным, приват-доцентом от западного декаданса. Сам Белкин выглядит фигурой «вторичной», навеянной типичной.

Все эти промахи умаляют достоинства нового романа М.Х. Слонимского, но не заглушают пафоса его умной и очень своевременной книги. Несомненно, что «Инженеры» получат признание советских читателей. Им по-особому дорого слово писателя, сказанное во-время.

СИМФЕРОПОЛЬ

Литературная хроника

Около девятости книг для детей выпустило Издательство детской литературы за три прошедших месяца.

Среди них — яркое новое, интересных, легких в восприятии отношении произведений. Серьезной заслугой издательства является выпуск «Повести о Зое и Шуре» — книги о молодых патриотах нашей Родины, Героях Советского Союза — Зое и Шуре Космодемьянских. Автор книги Л. Космодемьянская (литературная псевдоним Ф. Вигдоровой). Ленинградским отделением Детгиза издана повесть П. Журбы «Александр Матросов». С первой книгой — «Рассказы о генерале Ватутине» — выступил А. Воннов.

О жизни и учебе воспитанников суворовского училища рассказывает повесть украинского писателя И. Вагмута «Счастливый день суворовца Криничного». Маленькой узбецке — героине труда — посвящена повесть И. Гуро «В добрый путь, Курмири-сан», жизни юных пионеров Карельской республики — повесть М. Маршенички «Знак дружбы». Издан сборник рассказов «Зеленый ветер» писателя-фронтовика М. Лукина. Издана повесть о храбрых в боях за Сталинград.

Издательством выпущены также «Рассказы о Гайдаре» Б. Емельянова.

Две новые повести вышли в серии «Библиотека приключений». Героическая борьба русского народа с англичанами на Дальнем Востоке в 1854—1855 гг. — тема повести А. Мустаева и М. Чачко «Костры на сопках». О путешествии ребят по родному краю рассказывает в повести «Тропик смелых» писатель С. Корьяков.

За это же время вышли четыре новые книги для дошкольников: сборники стихов О. Бедарева «Вот я как-ка», Е. Благиной «Огонек», М. Познанской «Песенки» и третья книга рисунков художницы Н. Ушаковой «Что это?».

Более двадцати книг и брошюр вышло по разделу научно-художественной литературы. Среди них книга А. Шарова «Жизнь побеждает», посвященная истории борьбы русских ученых с чужой, книга художника А. Рогинского «Заруц-Сай» — о рисунках первобытного человека, обнаруженных в Узбекистане, и другие.

За последний год Детгизом выпущено несколько книг о тяжелой жизни детей трудящихся в капиталистических странах.

В апреле вышли две такие книги: повесть молодого армянского писателя О. Гукасяна «Маленькие мстители», рассказывающая о детях Ирана, и «Рассказы о греческом мальчике» Ф. Канонидаса, показывающая борьбу греческих патриотов за свободу и счастье своего народа. Хотелось бы, чтобы издательство проявило больше инициативы в создании книг для детей о странах, вступающих на путь демократии и социализма. Пока их нет вовсе.

В серии «Школьная библиотека» вышла «Чапая» Д. Фурманова, «Грав» — пятилетняя П. Павленко, «Честный смелому» А. Первенцева, «С тобой товарищи» М. Прилежалова. В эти же месяцы переиздан ряд произведений русской классической литературы («Бригады» и «Недоросль» Д. Фонзизина, «Дети подземелья» В. Королькова). Изданы также отдельные произведения В. Маяковского, Н. Тихонова, С. Михалкова, В. Бианки и других советских писателей.

Кроме того, в Москве издан эстонский народный эпос «Сын Калева», а Ленинградским отделением выпущены «Сказки народов Прибалтики» и сборник сказок народов СССР — «Золотые руки».

При всем жаровом и возрастном многообразии вышедшей литературы заметно, что издательство более активно работает над созданием произведений для старших возрастов. Для дошкольников выпущено всего четыре новые книги, для младшего школьного возраста — несколько больше, но почти все они являются переизданиями.

Приятно отметить, что к работе в издательстве привлечена группа новых авторов. Больше десяти книг принадлежит писателям, ранее не печатавшимся в Детгизе, причем многие из них — литераторы, выступившие с первыми произведениями.

В виду издательству следует поставить недостаточную работу о писателях из областей. Среди изданных книг лишь две принадлежат областным писателям.

С. АЛЕКСЕЕВ

Б. РОЗАНОВ

РОМАН-ПАМФЛЕТ

«Конечно, требуется известная смелость для того, чтобы защищать науку. Но если не бороться за дело всей нашей жизни, то как опровергнуть тогда свое присутствие в лаборатории? Товарищ! Это политика, а мы не хотим вмешиваться в политику... Но, право же, честная политика — это прекрасная вещь...»

Жолио-Кюри

Чаща испытаний, поставленная магнатами «Великании» перед крупнейшими учеными этой страны — профессором Чьюзом, была не только полна до краев, но и весьма местительна. В ней содержалась густая смесь потрясающих разочарований, несбывшихся надежд и обманутых ожиданий. По профессор Чьюз, мужественный, прямой, негибко человек, нашел в себе силы осушить эту чашу до дна. И это превратило «отшельника от науки» в стойкого, закаленного борца.

История постепенного политического прозрения одного из крупнейших ученых буржуазной страны «Великании», сделавшего замечательные открытия в области применения лучистой энергии, посвящена книга С. Розала «Лучи жизни».

На первый взгляд может показаться, что перед нами типичный авантюристический роман, с бурно развивающимся сюжетом и неожиданно летящей, как дымом в горах, интригой. В самом деле, здесь есть и похищения, и убийства, и подлоги, и вымогательства, и вооруженные нападения из-за угла, и инспирированные самоубийства, иначе говоря, все атрибуты типичного авантюристического романа. Однако тот, кто делает столь скоропалительный вывод, несомненно, ошибется. Ибо «Лучи жизни» — роман-памфлет с ясно расставленными политическими акцентами, написанный в своеобразной манере сатирического плаката.

В основе его — реальные факты действительности, почерпнутые из жизни страны, которую автор условно называет «Великанией». Нетрудно понять, что перед нами — главная страна капитализма, дитящее Союзинские Штаты с их разгулом фашистской реакции и распоясавшего гангстерства. И автор романа, разумеется, несколько не повинен в том, что почерпнутые им из современной американской жизни факты в своей совокупности складываются в общую картину, весьма разительно напоминающую уголовный роман! В этом «повинна» только сама действительность, сегодняшний день «Великании», с ее антикоммунистической истерией, бешеной подготовкой к войне, «обращением атомным оружием» и торжеством гангстеризма в политике и в быту.

Открытие ученого сулит огромные блага человечеству: оно несет ему избавление от болезней и изобилие продуктов питания. Но здесь ученый Чьюз наталкивается на сопротивление «секоронавальных королей» Великании во главе с мультимиллиардером Доккуломором. Узнав о том, что «лучи жизни» при определенной их дозировке могут стать эффективным средством по мощности орудием истребления человека, они решают овладеть «лучами».

Шантаж и угрозы, подкуп и лесть, хитрость и насилие, деньги и динамит — все было пущено в ход для того, чтобы поставить Чьюза на колени или, перепаляв через его труп, завладеть аппаратами, вырабатывающими «лучи жизни», и превратить их в «лучи смерти».

Однако усилия магнатов «Великании» все же оказались тщетными. Роман заканчивается крупным их поражением: врагам профессора Чьюза нанесены сразу два сокрушительных удара. Им не удалось вырвать из рук ученого секрет производства «лучей жизни», поскольку все сконструированную им аппаратуру он собственноручно уничтожил. Но это еще не все. На огромном

Открытие ученого сулит огромные блага человечеству: оно несет ему избавление от болезней и изобилие продуктов питания. Но здесь ученый Чьюз наталкивается на сопротивление «секоронавальных королей» Великании во главе с мультимиллиардером Доккуломором. Узнав о том, что «лучи жизни» при определенной их дозировке могут стать эффективным средством по мощности орудием истребления человека, они решают овладеть «лучами».

С. Розалов. «Лучи жизни». Роман. «Советский писатель», 1949, 484 стр.

ном митинге в защиту мира оглашается сообщение о том, что ученые «Коммунистической державы» давно раскрыли секрет «лучистой энергии» и применяют ее для мирных целей.

Широко и достаточно многогранное памфлетное начало является наиболее сильной стороной книги С. Розала. По роман-памфлет, при всей допускаяемой в нем гиперболичности, должен быть в то же время произведением не абстрактным и не условным, а подлинно реалистическим. Выведенные в нем персонажи должны быть не символическими фигурами, не масками, а, говоря словами известной формулы Энгельса, типичными характеристиками, действующими в типичных обстоятельствах.

В романе-памфлете «Лучи жизни» — найдено меткое изображение типичных обстоятельств, характеризующих сегодняшний день «Великании» (хотя и здесь кое-что дано в незавершенном, подчас поверхностном виде). Метко схвачена сущность отдельных общественно-политических институтов «Великании», ее политическая обстановка, вроде «Ордена волевых тюремщиков вредных мыслей».

Что же касается обрисовки типичных характеров, то в этом самая слабая сторона романа.

Крайне недостаточно представлены и почти совершенно безличны, не индивидуализированы в нем силы прогресса и демократии в самой «Великании». Профессор Чьюз иной раз кажется каким-то «седеловским ребенком», излишне наивным, слишком уж откровенным от всего, что делается за стенами его лаборатории.

Особо следует подчеркнуть совершенно недостаточный показ морального влияния великой «Коммунистической державы».

С литературно-стилистической стороны роман «Лучи жизни» также написан неровно. В нем есть страницы, действительно полные сатирического юда и разоблачительного пафоса. Сталь здесь ярок, едок, местами почти афористичен. Но наряду с этим в романе есть и страницы вялые, написанные хроникальной скоротворкой.

Что же все-таки привлекает наше внимание к этому роману? Читатель с помощью автора легко связывает описываемые в нем события с разветвляющейся на наших глазах эпопеей борьбы за мир. Он корректирует поведение Чьюза, хотя бы исходя из того, что ему известно о борьбе таких крупнейших деятелей науки и убежденных противников новой войны, как Жолио-Кюри, Вернал и другие.

Он сопоставляет поведение противников Чьюза из числа «ученых лакеев» Доккуломора с поведением таких продавшихся поджигателям войны «скорифев» человекоистребителя, как профессор Гарвардского университета Кайперс, заслуживший печальную известность своим проектом полного запрещения использования атомной энергии в мирных целях. Все это связывает роман с глубинными проблемами современности и вызывает к нему интерес.

Мы уже говорили, что «Лучи жизни» — политическая сатира, роман-памфлет. В советской литературе до самого последнего времени это был один из прочно забытых жанров. Между тем, оружие политической сатиры, которым столь мастерски владела наша классика, от Салтыкова-Щедрина до Маяковского, оказалось «захламленным» совершенно не ко времени и решительно без всяких к тому оснований. Все более широко развертывающийся соитас участие советских писателей в борьбе с поджигателями войны делает жанр политического памфлета одним из действительных и боевых. Вот почему и с этой точки зрения следует положительно распенить «Лучи жизни», появление которых встало за «Патентом» А.В. Лугина свидетельствует о становлении весьма нужного жанра романа-памфлета в нашей литературе.

Они не узнают друг друга, так как Люда поселилась в квартире только накануне. В результате таких сложных усилий удается продать служебные Люды, — автор загоняет машину на загородное шоссе. Машина там дожмается. И вот тут-то наступит самое обидное в повести Перфильевой: мимо испорченной машины с озбыленной, сонной Людой проезжает другая, идущая в город. Шофер, который увез Люду, останавливает машину и просят седеков позвонит родным девочкам. Машина уезжает в город... без девочки. Шоферу не по дороге... Но Перфильева не возмущается этим, — она-то знает, что девочку не забрали с собой в город не потому, что в автомобиле ехали равнодушные люди, а потому, что книжка еще не закончена. По сюжету Люда должна еще поехать в общежитие ремесленников. Именно этим ремесленникам положено доставить Люду домой, где к тому времени уже собралась все соседи, бабушка из Саратова и мамометеролог, пробирающаяся, наконец, сквозь метель.

Равнодушные люди в машине не случайны в повести Перфильевой. Для того чтобы приключению Люды длился целый день и Перфильева смогла написать об этом книжку, ей приходится вывести целый ряд равнодушных, невнимательных и даже грубых по отношению к ребенку людей. Так как самый сюжет искусственен, у автора нет другого выхода — ведь любой советский человек, встретив потерявшегося ребенка, немедленно поможет ему добраться до дому. Поэтому, ради сюжета, автору приходится жертвовать самым главным — правдивым изображением советских людей. Пролетидом, кого встречает Люда в горький день, придуманный для нее писательницей?

Когда двоюродная сестра Люды, соседка, не видел ли он пропавшую девочку, он, «важный и сердитый... только буркнул: — Знать ничего не знаю, не видел».

Позже тот же двоюродник, увидев, как сын людиной соседки с милиционером идет на поиски девочки, злорадствует: «Ага, допрыгались! С милицией, значит. То-то маме радость! За дело, стало быть...»

Плохой двоюродник, грубый. И если уж описывать такого двоюродника, то так, чтобы делалось ясно, как автор относит к таким грубым и невнимательным людям. Но А. Перфильева относится к двоюроднику хорошо. Родные Люды приглашают его пить чай, и в конце книги, с лирической интонацией перечисляя учеников героев, автор упоминает и этого двоюродника, к которому тоже относится с обращением: «...спокойной ночи, дорогие друзья!». Нет, не хочется желать спокойной ночи этому двоюроднику. Не хочется желать спокойной ночи и равнодушному шоферу, который увез ребенка. Правда, потом про него говорят: «Все беспокоится — завез чужого ребенка! Но он человек хороший, одну не бросит». Это еще нехватаю! Странно — определила А. Перфильева разницу между плохим и хорошим человеком.

Не хочется желать спокойной ночи и многим другим людям, которых встретила Люда. На вокзале девочка видит грузчиков. «Один, большевик и тотчас же, покосился на подошедшую Люду и пробурчал: — И чего торчит? Шла бы себе домой... Не выдала, как люди работают!..»

Так же несправедливо встретили Люду в больнице.

Наконец, в общежитии ремесленников, когда Люда одна в комнате жалобно говорит: «Я хочу домой», «... из двери напротив вдруг вынес сердитый усталый человек в железных очках и загудел: — Это еще что? «хочу», «не хочу!» Мне что тут не мешать! Думать надо!»

Даже шофер, который завез Люду, и тот на нее сердитая.

Где же та большая семья, которой посвятившая свою книгу писательница? Почему на Люду, которая виновата только в том, что она мала и Перфильева застаивала ее убежать из дому, все бурчат, или гудят, или говорят с ней «страшным голосом»? Чем похожи эти сердитые люди на тех членов большой советской семьи, которые в действительности приласкают потерявшегося ребенка?

Все время досаждают на автора — зачем выдумывать, натягивать, фальшивить, когда каждый день, каждый час мы встречаем примеры глубокой, действительной любви к детям?

Герои этой книги не живут. Тепло и душевное своеобразие, которыми отличаются герои первой книги, утеряны. Остались только внешние признаки и — либо стандартность, либо нарочитая оригинальность. Сдава Перфильева позиции и в отношении бабушек. На восьмидесяти страницах второй книги она выстала сразу двух бабушек: одну из Саратова, другую мос-

ВТОРАЯ КНИГА

В свою первую книгу молодой писатель вкладывает все впечатления, все знание жизни и людей, накопленные им до той поры, когда он создал свое первое произведение. И если книга эта окажется близка читателям, ее принимают тепло, дружелюбно, зачастую даже прощая недостатки литературного мастерства.

Выпущена первая книга. Автор ее стал писателем. В издательстве его уже называют «наш автор». Появились рецензии, читатели шлют письма... И вот тут-то начинается самое трудное. Будет ли в следующей книге такое же позное знание жизни, как в первой? Умеет ли молодой автор сохранить скромность, строгость к себе, сберечь живую связь с теми людьми, о которых и для которых пишет?

Если первая книга — отправная точка, то период от первой до второй — это уже отрезок пути, определяющий его дальнейшее направление.

В 1948 году молодая писательница А. Перфильева выпустила книгу: «Далеко ли до Сайгатки?». Видно, А. Перфильева много видела и пережила до того, как стала студенткой литературного института и написала свою первую книгу. Рассказывая о жизни девочки Вари Бурашевой, автор захлебывается от впечатлений. Хочет рассказать и о войне, и о госпитале, и о геологах, и о жизни интерната в эвакуации. В книге мы видим знание материала, умение наблюдать жизнь, встречаемся с интересными людьми. Интересны не только дети — герои книг. Перфильева попыталась отойти от тех стандартных схем, которыми часто подменяют образы взрослых в книгах и пьесах для детей. Эти схемы совсем не похожи на тех людей, которые в действительности воспитывают наших детей, и очень похожи друг на друга. Это деловые скучные папы и мамы, веселые пионервожатые, непоисчные учительницы и уже совершенно одна и та же бабушка, которая независимо от сюжета и обстоятельств угоняет окружающих чаем и пирогами. Бабушка в книге Перфильевой — человек

с большой интересной биографией, резковатый, остроумный, своеобразный. То же можно сказать и об образе старого учителя. Правда, у героев слишком много различных «чуждачеств». Стремление к оригинальности — недостаток молодой писательницы. А. Перфильева — человек, несомненно, одаренный, но ей часто изменяют вкус, чудные меры, ее книга перегружена событиями, сюжетными поворотами, бьющими на эффект. На двухстах страницах книги герои несколько раз терпят, отстают от поездов, убегают из дому. Умение своеобразно видеть жизнь порой оборачивается у молодого автора стремлением к нарочитой выдумке.

Перфильева часто строит характеристику своих героев от обратного — тихие мальчики, похожие на девочек, озорные девочки, похожие на мальчиков, милиционеры, напоминающие мальчишек, мальчишки — солидные, как взрослые. Человеческим именем автор предпочитает клички: «Козел», «Мамай». А одна из героинь, неплохая, в сущности, девочка, носит странное прозвище «Могилка».

У Перфильевой острый писательский взгляд. Она умеет на чердаке, заваленном старыми вещами, увидеть интересный мир, таинный множество загадок. Такое восприятие, близкое детям, ценно для детского писателя. И когда автор пользуется этим качеством для того, чтобы показать внутренний облик Вари, живой и любящей девочки с ярким воображением, — это хорошо и нужно. Но порой Перфильева пользуется своим острым взглядом лишь для того, чтобы продемонстрировать его перед читателем. Тогда он сразу теряет свою ценность, превращаясь в литературное кокетство.

У Перфильевой во второй книге должен быть этап борьбы за простоту, чистоту, внимательное отношение к жизни.

В этом ей могли помочь разобраться и те статьи, которые появились по поводу книги «Далеко ли до Сайгатки?». Ф. Видорова в очень дружелюбной статье в «Комсомольской правде» в целом хвалила книгу и образ Вари Бурашевой, но дру-

А. Перфильева. «Большая семья». Детгиз, 1949 г., 89 стр.

МАРСЕЛЬ ЖУАНЭН. «Рабочие литейного завода Фив-Лиль в Живоре отказываются отлить башню танка».

Картина Марселя Жуанэна была выставлена на оставшейся еще так давно в Лионе выставке «Искусство и мир».

На выставке были представлены работы французских художников: Фужерона, Тасличко, Лежера, скульптора Саландра, бразильского художника Педроса, английского гравера Перри, голландского художника Броддорфа, швейцарского художника Ганса Эрнри и др.

Корреспондент газеты «Летр Франсез» отмечает особый успех картин, выставленных лионскими художниками: «Атакующая демонстрация» Манилье, «Женщины протестуют против отправки поезда с военным грузом» Шабредие, «Протест литейщиков Живора» Жуанэна и др.

Профессиональные организации крупнейших лионских предприятий организовали коллективные посещения выставки и встречи рабочих с художниками.

Илья ЭРЕНБУРГ

ПЯТЬ СТРАН

3. ФРАНЦИЯ

Прежде чем говорить о французских встречах, я должен рассказать, что приключилось со мной во Франции.

Еще зимой я запросил французскую визу; я объяснил, что предполагаемая поездка связана с литературной работой: я пишу теперь продолжение «Бури». Я был во Франции после войны, внимательно следил за жизнью этой страны, встречался с французскими друзьями; но мне не хватало некоторых деталей. Я хотел, например, расспросить г. Мориса Лансье, как он относится к импорту американских машин, потребляет ли он «Кока-колу», сохранил ли пристрастие к легкомыслию. Я хотел выяснить характер деятельности г. Швейла, ставшего во главе крупного американского агентства по распространению газетных статей. Я хотел заглянуть в мастерскую Самба, посмотреть его полотно, списать, все ли он мучается под тем, как выразить правду, не изменив природе искусства. Я хотел встретиться Мало, печальную и сильную, нежную и суровую. Я хотел еще раз увидеть серопепельный, лиловый, вечный Париж. Итак, я подавал традиционное заявление о визе этой визы. Ответ пришел быстро, он был отрицательным.

Отказ французских властей выпустить меня во Францию возмутил многих французских. Национальный комитет писателей обратился к правительству с протестом. Католический писатель Мартен Шюффе написал моему личному другу г. Било. Мартен Шюффе просил отменить принятое решение; не получив ответа, он опубликовал открытое письмо, озаглавленное достаточно выразительно: «Прощайте, господин Било!».

Французы посылали негодование письма в министерство иностранных дел. Я получил много приветствий от знакомых читателей. Визы я, однако, не получил. Увидев, что в Париж мне не попасть, я попросил визы для въезда в Бельгию и в Швейцарию; я хотел пожить если не в самой Франции, то по соседству с ней, повидать друзей, собрать материал для некоторых глав романа.

Находясь в Брюсселе, я обратился во французское посольство с просьбой о транзитной визе; я хотел по железной дороге проехать из Брюсселя в Женеву. Достаточно посмотреть на карту, чтобы убедиться в обоснованности этого скромного желания: то, что путь из Бельгии в Швейцарию проходит по французской территории, не может быть отнесено к моим коварным замыслам.

Г-н Било не дал мне и транзитной визы. Беседа по этому поводу с французским дипломатом в Брюсселе, я ему напомнил, что, вручая мне орден офицера Почетного легиона, генерал Катру сказал:

«За помощь, оказанную Франции в обороне ее национальной территории». Я спросил французского дипломата: «Значит, теперь вы мне отказываете в праве даже пересечь эту территорию?» Дипломат, потупив глаза, ответил: «Я только исполняю». Я исполнил его уступить: «Я знаю, что вы только исполняете. Я знаю, что и те господа, приказы которых вы выполняете, тоже только исполняют...»

Мне пришлось забыть про землю и обратиться к небу: для пролета над Францией транзитной визы не требуется. Самолет, совершающий рейсы между Брюсселем и Женевой, приземляется в Париже; точнее — на парижском аэропорте путешественник должен пересечь на бельгийском самолете в швейцарский. Надо позвать, что авиационные компании, составляя график, не предвидели, что в одном из рейсовых самолетов, приземляющихся в Париже, может оказаться советский пилот... И так, я подавал традиционное заявление о визе этой визы. Ответ пришел быстро, он был отрицательным.

Отказ французских властей выпустить меня во Францию возмутил многих французских. Национальный комитет писателей обратился к правительству с протестом. Католический писатель Мартен Шюффе написал моему личному другу г. Било. Мартен Шюффе просил отменить принятое решение; не получив ответа, он опубликовал открытое письмо, озаглавленное достаточно выразительно: «Прощайте, господин Било!».

Французы посылали негодование письма в министерство иностранных дел. Я получил много приветствий от знакомых читателей. Визы я, однако, не получил. Увидев, что в Париж мне не попасть, я попросил визы для въезда в Бельгию и в Швейцарию; я хотел пожить если не в самой Франции, то по соседству с ней, повидать друзей, собрать материал для некоторых глав романа.

М. ПАПАВА

Из албанской тетради

5. Поступь новой истории

Есть в Албании народная поговорка: «Не выкопай колодца иглокой». Я вспоминаю ее, читая сообщения о провозимых в последнее время в Тиране процессах шпионов и диверсантов. Все эти выкопанные шпионы и диверсанты — от американской Си-ай-си до титовского гестапо — пытались помешать строительству новой Албании.

Но не выкопать колодца иглокой! Ни усилия дипломатов, ни брапанье оружием, ни хитрейшие комбинации иностранных разведок не могут повернуть историю вспять. На древних землях Албании, где когда-то Юлий Цезарь сражался с Помпеем Красным, первые тракторы вспахивают поля сельскохозяйственных кооперативов. И флажки трактористов-ударников, трещающие над радиаторами машин, — это флаги новой истории.

Здесь строятся первые железные дороги и закладываются первые заводы. В горах Селитры столетия были известны замечательные рудники. Сейчас вода этих рудников, зажатая в трубы, пройдет сквозь скалы и ринется вниз на турбины первой гидроэлектростанции, давая электрический ток и преобразуя питьевую воду в струю.

В первых агроупрках албанских деревень идут споры о поднятии урожайности земли, которая стала достоянием народа.

Народ осваивает культуру современного промышленного труда. Албанские рабочие и техники нового сахарного завода в Корче только год учились у советских инженеров. Сейчас они сами ведут сложнейший технологический процесс. И от директора завода до рабочего, закладывающего свежую в промывочные чаны, у них всех счастливые лица именинников.

И в той же Корче есть маленькая площадь в конце главной улицы города. Она прочно вошла в историю. Ее называли «длинной слез». Здесь обычно прощались с людьми, уезжавшими в поисках работы в далекие заморские края. Плач женщин стоял над этой маленькой пыльной площадью, оборванные ребятишки размазывали слезы по лицам.

Мне как-то пришлось возвращаться в Корчу вечером, после окончания полевых работ. Секретарь горкома Трудовой партии, схватив со мной, зарывался в прохладившиеся ладони и коротко говорил: — Австралийцы. Из Аргентины. Из Америки...

Все это были люди, потратившие немало усилий, чтобы вернуться на ставшую свободной родину с чужбины, где они мучились в трубе, впервые за долгие трудовую жизнь, эти албанцы имеют свой дом, свою землю, родину, переставшую быть для них мечтой.

Услыша господ Трумана, Бенина и Ко направленные на то, чтобы принудить национальное сознание народов. А здесь, в этой маленькой горной стране, скинувшей оковы вековой колониальной эксплуатации, растет и крепнет чувство патриотичности.

знают «Падение Парижа» и «Бурю», знают мои статьи, посвященные Франции — до войны, в годы войны и после войны. Французские читатели смогли оценить глубину и цинизм рассуждений о моем недружеском к Франции. Рупору поручили тяжелое дело — объяснить необычайное. Впрочем, ему все равно, поскольку это не человек, а принадлежность: дунут — скажет, перестанут дуть — замолчит...

Мне отказали в визе не потому, что я недружеско отношусь к Франции, а потому, что я к ней отношусь дружелюбно, и это хорошо известно французам. Будучи исполнителем Вашингтонских приказов, представители Франции стремятся восстановить французскую против советских людей, натравив освобожденных на освобожденных. Если бы я действительно питал недружеские чувства к Франции, г. Било дал бы мне не только визу, он, пожалуй, оплатил бы мой проезд. Но г. Било прекрасно знает, что я люблю Францию и что никогда я не приму ни агентов Сюрте, ни самого г. Било за представителей французского народа. Именно поэтому меня не выпустили во Францию.

Конечно, провозил г. Било несколько затруднил мою работу над романом; но роман я все же постараюсь написать. Конечно, полчас, проведенные на аэропорте Бурже, были для меня мало приятными; но я слишком хорошо знаю Францию, чтобы понять, где конкретно французское гостеприимство и начинается американское хамство. Конечно, обидно было глядеть сверху на синевавший Париж в весенних сумерках; но я знал, что внизу — друзья, что их жизнь, их горе и радости мне близки, понятны, дороги.

В Брюсселе я остановился в гостинице «Палас»; напротив была гостиница «Кампополи»; не знаю, кто в ней останавливается, — может быть обыкновенные бельгийцы. Что касается «Паласа», то он был заполнен предпочтительно американцами, с утра до ночи верещавшими или дремавшими в просторном вестибюле. Однажды я увидел, среди стандартизованных представителей Нового Света, невысокого смуглого французца. Он подбежал ко мне и громко с акцентом южанина сказал: «Тебя не выпустили во Францию, но французцы приехали к тебе. Нам надоело американцев с их бомбами, понимаешь?» Два солидных янки отесали пальцы.

В Брюссель и в Женеву приезжал, чтобы повидаться со мной, разные французские писатели и докеры, инженер и депутаты парламента, актриса и рабочице. Я не был во Франции. Но я был во Франции, я дышал ее грозным воздухом, я глядел в ее зрачки, расширенные то нежностью, то гневом.

(Окончание 3-го очерка в след. номере)

Миллионы голосуют за мир

СТО ТЫСЯЧ ПОДПИСЕВ МОЛОДЫХ АМЕРИКАНЦЕВ

«Молодежный комитет в поддержку призыва ко всеобщему миру» заявил представителям печати, что за последние три недели Стокгольмское воззвание подписало более 100 тысяч молодых американцев.

Комитет в своем заявлении указывает, что один активный участник кампании в защиту мира собрал в Бронксе (район Нью-Йорка) 1.500 подписей под Стокгольмским воззванием. Ветеран войны — негр из района Гарлема в Нью-Йорке собрал 900 подписей, молодой рабочий Детройта — 700 подписей.

ИЗРАИЛЬ ВМЕСТО БОЙКОТА

Вопреки открытому заявлению руководства правящей партии «МАПАЙ», призванного бойкотировать кампанию сбора подписей под Стокгольмским воззванием, жители государства Израиль присоединяются к требованию запретить атомную бомбу.

Как сообщает национальный Комитет защиты мира, в государстве Израиль Стокгольмское воззвание уже подписало 111.547 человек.

На металлообрабатывающих предприятиях Тель-Авива и Хайфы под воззванием подписались 90 процентов, в Раматгане — половина взрослого населения города.

Успешно разворачивается кампания сбора подписей и среди арабского населения страны. В предместье Хайфы — в арабском поселении Вади Ниснас 80 процентов жителей присоединились к Стокгольмскому воззванию.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ ПРЕДОТВРАТИТЬ НОВЫЕ ЛИДИЦЕ

Женщины села Липце обратились с письмом к жителям Орауэр-сюр-Глан во Франции, Ковентри в Англии и Борн в Италии — городов и селений, которые в годы войны жестоко пострадали от фашистских бомбардировок. Чешские женщины пишут: «Мы, женщины Липце, призываем вас присоединиться к воззванию, которое мы подписали в день восьмой годовщины варшавского уничтожения нашего сестра фашистскими оккупантами... Необходимо, чтобы подписи сотен миллионов людей по этому воззванию послужили решительным протестом против поджигателей новой войны».

ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ СВЯЩЕННИКИ ПРИЗЫВАЮТ К МИРУ

Недавно в Мангейме с докладом на тему «Чем перковь может помочь делу мира» выступил глава немецкой евангелической церкви доктор Мартин Нимеллер. Он заявил, что усердно пропагандируемый «крестовый поход в защиту западного христианства» есть пылая ложь, рассчитанная на то, чтобы прикрыть агрессию и ввести в заблуждение верующих. Доктор Нимеллер обратился к общественности и духовенству с призывом всеми средствами способствовать предотвращению угрозы войны, нависшей над миром.

С призывом содействовать делу борьбы за мир обратился ко всем протестантам и католическим священнослужителям Западной Германии также священник Отмар Молдвер из Франкфурта-на-Майне. В обращении священника Молдвера говорится: «Мы будем рады увидеть вашу подпись под Стокгольмским воззванием и иметь в вашем лице верных друзей и единомышленников, активных борцов за великую цель человечества — за мир во всем мире».

На улицах и площадях советского сектора Берлина сторонники мира устроили пункты сбора подписей под воззванием Стокгольмского комитета. На фото — одна из этих площадок, обращенная к населению западных секторов города. Гласит: «Подпишитесь под воззванием о запрете атомной бомбы» (Смисок из немецкой газеты «Вестерн шетунг»).

Виктор ВОРОШИЛЬСКИЙ

Из записной книжки польского писателя

Свет советской культуры

Виктор Ворошильский — молодой польский поэт, автор сборника стихов «Смерть нет», посвященного борьбе за мир и строительство новой Польши, книги очерков о Советском Союзе «Школа двухсот миллионов», написанная после посещения писателем нашей страны в 1949 году, и других.

Школа двухсот миллионов — это школа передовой социалистической культуры советского народа. К ней приближается польский трудовой народ, вставший на путь строительства социализма в своей стране. На будничных примерах жизни В. Ворошильский показывает в своих заметках истоки великой народной любви к советской культуре.

В этом году я участвовал как член жюри в смотре творчества кружков художественной самодеятельности Союза польской молодежи в Щепинском воеводстве. В обширной, длившейся несколько дней, программе можно было обнаружить подлинный талант и огромный энтузиазм кружковцев. Эти впечатления, впрочем, не были для меня ни откровением, ни неожиданностью.

Но не в этом дело. Дело в том, что во время смотра я убедился, как глубоко в повседневную жизнь наших деревенских клубов вместе с новым революционным польским репертуаром вошел советский репертуар. Он производит огромное впечатление.

И это было тем замечательным явлением, которое содействовало развитию подлинно новой, передовой культуры народной Польши.

Что же показывала нам щепинская молодежь? Богатый репертуар — от юношеского «Снежка» Любимовой, «Молодой гвардии» Фадеева до «Острова мира» Петрова. В устах чтецов громко звучал голос бессмертного Маяковского. И, наконец, «гвоздь» каждой программы — величественные советские песни в хоромном и сольном исполнении, русские народные танцы, пантомимы, вокально-танцевальные номера. Некоторые песни исполнялись в польском переводе, другие — по-русски. Исполнение отличалось глубоким проникновением в содержание и форму произведений, чувствовалось, что они близки выступающей молодежи.

Советский репертуар входит в жизнь нашей молодежи прежде всего благодаря своему содержанию, все более ей близкому, все более понятному, как образец построения новой жизни.

Случилось так, что непосредственно после окончания смотра молодежные кружки я совершил поездку по государственным сельскохозяйственным угодьям Щепинского воеводства. Я выступал с докладами о советской литературе и с чтением произведений советских поэтов в своем переводе.

ЩЕЦИН—ГЛЕНБОКЕ

В. ДРУЖИНИН „опровержения“ шведского премьера

Правда глаза колет. Были основания ожидать, что статья «Под флагом нейтралитета», опубликованная 20 мая с. г. в «Литературной газете», вызовет раздражение некоторых шведских политиков. Так оно и случилось. У г-на Таге Эрландера — премьер-министра Швеции — раздражение достигло такой степени, что он дал ему волю в риксдаге.

Оказывается, по Эрландеру, что статью написал «лживый шведский репортер», который «стремится «создать в Москве представление о том, что шведское правительство официально провозглашает одну политику, а на деле провозит другую». В этом рассуждении также нет ничего неожиданного. Ясно, зачем нужно было написать статью «жизному шведскому репортеру». Не первый год шведские правые социалисты твердят, что в искренности их «политики нейтралитета» никто-де на земном шаре не сомневается, а вот в Швеции-де имеются смутьяны, которые слагают во что бы то ни стало скомпрометировать эту политику.

Камуфляж показанного «нейтралитета» складывается правыми кругами Швеции давно и весьма тщательно. Однако картон этого камуфляжа все же, как видно, пропускает свет, если только сторонники мира, в том числе автор статьи, советский писатель, с беспокойством наблюдают подготовку к агрессии, ведущуюся за этим прикрытием. Именно они, сторонники мира, а отнюдь не лживые репортеры из право-социалистической, антисоветской «Моргон-тиднинген» и ей подобных газет поднимают справедливый голос протеста. Никакие гипнотические пассы из Стокгольма не заставят народ видеть подлинные дела там, где ее нет.

Впрочем, г-н Эрландер и не берет по существу опровергать факты о содействии правых кругов Швеции англо-американскому агрессивному блоку — подготовке аэродромов, тайное соглашение шведской военизированной англо-американской, распространение военного истребителя и т. д. В качестве примера мнимой «лживости» автора премьер-министр цитирует то место статьи, где говорится, что шведские трудящиеся «вынуждены довольствоваться карточными нормами на ряд продуктов...»

Не знаем, как г-н Эрландер, а шведские трудящиеся не могли пропустить такое, например, сообщение в апрельских и майских газетах 1950 года: «Очередная выдача кофе производится с 28 апреля по 26 мая».

Информируем г-на Эрландера, что он мог для этой цели использовать талоны Б-23, Б-292, а на дополнительной карточке талоны 159 и Б-191.

Как явствует из судебной хроники (апрель 1950 г.), одна жительница г. Мальме решила обменять свой паек вина на паек кофе. За это участники обмена были приговорены к штрафу — 20 крон с одного и 100 крон с другого.

По-главное не в этом. Суть дела в том, что, независимо от наличия карточек, широкие массы населения вынуждены и через 5 лет после войны довольствоваться карточными нормами, да еще урезанными. «Возмутительно, что, с отменой карточек на мясо, подняли цены. Мы не сможем купить ни крошки больше, чем прежде», — так писала в газете «Ню Даг» жены шведских рабочих в июне 1949 г., когда мясо стали продавать без карточек.

В декабре 1949 г. цены на говядину поднялись с декабря 1948 года на 25 процентов, на хлеб — на 14 процентов, на масло — на 8 процентов. В 1950 г. цены продолжали расти.

Будущее в маршализованной, усиленно вооружающейся Швеции не сулит улучшения. Бог войны прожорлив. Даже собственные экономисты Эрландера, состоявшие при реформистском Совете профсоюзов, предсказывают повышение цен к 1951 г. в общей сумме на 300—400 миллионов крон и дальнейшее снижение жизненного уровня в течение 1951 года. Зарплата ведь остается старинными правых социалистов «замороженной»!

Но ясно ли, что отмена тех или иных карточек, сопровождающаяся сокращением потребления трудящихся, есть не что иное как обман народа — такой же обман, как фальшивый «нейтралитет».

Во всем мире, да и в самой Швеции, все меньше становится людей, доверяющих право-социалистическим фактам, которые пытаются выдать сфабрикованные ими иллюзии за действительность, замазать фактическое содействие поджигателям войны.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУДИН, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.